

**В. А. ЖУКОВСКИЙ И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ:
КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ
И ЕЕ ПОЭТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Рассматривается категория «художественного времени», ее конкретная функция в проблемном плане в произведениях романтика Жуковского и социалиста-утописта Чернышевского. С этой точки зрения интерпретируется своеобразный «трактат-притча» Жуковского «Три сестры» и «роман-трактат» Чернышевского «Что делать?». Анализируются поэтические формы воплощения категории «времени» и конкретные поэтические приемы эстетически органичного соединения категории «будущего» с категорией «настоящего». Подчеркивается типологическое значение такой временной соотнесенности, которая воплощается в произведениях русских писателей XIX в., начиная с В. А. Жуковского до А. П. Чехова.

Ключевые слова: художественное время, функция, структура, поэтика, типология, творческая индивидуальность, историческая эпоха.

Художественное время как эстетическая категория играет важную роль в поэтических системах романтика Жуковского и утописта-социалиста Чернышевского. Это объясняется тем, что взгляд того и другого был обращен в сторону будущего мироустройства, закономерно и органично связанного с настоящим и прошлым – категориями, получившими широкую трактовку в произведениях писателей. В этом плане они типологически соотносятся, демонстрируя некоторые принципиальные аспекты развития поэтических систем в русской литературе XIX в. Имеет смысл отметить такой творческо-биографический факт, как своеобразная «стыковка» векторов их творческого развития. Творческий и жизненный путь Жуковского завершился в 1852 г. Так или иначе, оформилась, разумеется, и его творческая система, нашедшая отражение и в его литературно-теоретических работах. А в 1855 г. появился фундаментальный труд Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», который в широком плане явился важным документом литературной эпохи, исторически связанной

с достижениями поэтической эпохи, породившей такой феномен, как литературное наследие А. С. Пушкина.

Все эти общие соображения обретают особый смысл, если учесть некоторые конкретные факты творческого развития поэта-романтика. Поэт Жуковский стал теоретически осмысливать категорию художественного «времени», которая зиждилась в его творчестве на основе представлений об идеальных основах человеческого бытия, образ которого он запечатлел в своеобразной художественной форме. Взор поэта-романтика был, как известно, устремлен в «светлое будущее». В связи с этим он обратил пристальное внимание и на время «настоящее», и на время «прошлое», обыграв эти категории в своей поэзии, а затем «перевел» поэзию в теорию в своих литературно-теоретических работах. И вот в этом пункте к Жуковскому в типологическом плане закономерно приблизился «социальный утопист» Чернышевский.

Для Чернышевского категория «будущего» оказалась не менее важна, чем для Жуковского. Из него появились категории

«прошлого» и «настоящего» времени. Но если Жуковский в итоге пришел к теоретическому осмыслению категории «времени», Чернышевский в своем творчестве, наоборот, «транспонировал» теоретические представления о «времени» в художественно-поэтический план, создав свой роман «Что делать?». Таким образом, в плане решения одной проблемной задачи Жуковский углубился в теорию, а Чернышевский оказался под куполом «храма Аполлона», создав соответствующий художественный текст.

Теперь посмотрим, как это конкретно происходило в контексте русского литературного процесса XIX в. Жуковский написал статью, своеобразный «трактат-притчу», в которой он пытался убедить читателя в возможности наступления «светлого будущего». Это произведение он озаглавил «Три сестры», как бы пророчески предсказывая драматургический феномен А. П. Чехова. Но в ближайшей перспективе в этом плане просматривается творческая личность и конкретные литературные приемы Чернышевского, интерпретирующие связь «времен» на пути к будущему, предположительно идеальному мироустройству.

В статье «Три сестры», написанной в 1808 г., Жуковский делает попытку раскрыть диалектическую сложность понятия «времени». В своих теоретических размышлениях он опирается на смысловую основу и поэтические приемы собственной баллады «Эолова арфа». Читатель в данном случае находится в плену одновременно и поэтического текста, и теоретических аргументов автора. В «Трех сестрах» фигурирует поэтический образ Минваны, попавший в контекст статьи из названной баллады и обретший под пером Жуковского особый знаковый смысл, поскольку связан с универсальным восприятием категории «времени» как диалектического единства «прошлого, настоящего и будущего». Минвана – это воплощенный вечный «звук» арфы Эола, который осмысливается поэтом в диалогической соотнесенности «прошлого, настоящего и будущего». А эти категории представлены Жуковским как «три сестры», с которыми общается Минвана.

В начале статьи Жуковский подчеркивает особую значимость временных категорий для духовной жизни всего человечества: «Вся наша жизнь была бы одним последствием скучных и несвязных сновидений, ко-

гда бы с настоящим не соединил тесно ни будущее, ни прошедшее – три неразлучные эпохи: одна украшает другую, одна от другой заимствует прелесть» [Жуковский, 1954. С. 485]. При этом писатель подчеркивает строгую необходимость учитывать связь эпох, представляющих нерасчленимую систему, подобную семейному клану «трех сестер». Одна из «сестер» у Жуковского говорит: «...Тот, кого полюбит одна, становится любезен и другим; противный одной необходимо должен быть противен и прочим» [Там же].

«Поэтическая вселенная», как ее представляет Жуковский, должна быть представлена в концентрированной форме в художественном мире писателя-творца. В этом заключается и его гражданская миссия, требующая исторического подхода и к явлениям феноменологического ряда. Следует обратить внимание на то, что в 1808 г. Жуковский опубликовал статью «Писатель в обществе», в которой он утверждал, что духовная вселенная, как и философский универсум, в литературе должны быть представлены в современных писателю жизненных и актуализированных эпохой формах. В заключении автор пишет: «...Вселенная, со всеми ее радостями, должна быть заключена в той мирной обители, где он (писатель – В. О.) мыслит и где он любит» [Жуковский, 1954. С. 507].

Концептуально и иллюстративно «три сестры» Жуковского задолго до Чехова дают знать о себе в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Логика такого рода преемственности состояла в том, что движение к «светлому будущему» («Перемена декораций») в сознании философа-утописта Чернышевского и поэта-романтика Жуковского было связано с осмыслением структуры «временного космоса», который зиждился на основе единства «прошлого», «настоящего» и «будущего». На основе такого принципиального единства, по утверждению Чернышевского, правомерно прогнозировать будущее, в том числе и «светлое будущее». В романе «Что делать?» такая историческая «осведомленность» представлена в известном программном диалоге двух персонажей:

«– Так что ж такое? Вы начинаете рассказывать о 1865 году?»

– Так.

– Да можно ли это, помилуйте!

– Почему ж нельзя, если я знаю?

– Полноте, кто же станет вас слушать!
 – Неужели вам не угодно?
 – За кого вы меня принимаете? – Конечно, нет.

– Если вам теперь не угодно, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до того времени, когда вам угодно будет его слушать. Надеюсь дожидаться этого довольно скоро» [Чернышевский, 1975. С. 344].

Этот диалог в повествовательной стратегии Чернышевского играет роль эпиграфа, который требует наглядной, образной расшифровки. Автор предлагает, по сути, парадоксальный вариант восприятия художественного времени, в результате которого «будущее» воспринимается читателем как «настоящее», и не как «формула», а как картина «живой жизни». Для этого Чернышевский как повествователь затевает своеобразную «игру» с читателем, перенося его из одной временной зоны в другую. При этом учитывается чисто «развлекательный» фактор.

Роман начинается с описания мнимого «ухода» из жизни главного героя Лопухова. Начальная глава, предвещающая дальнейшую историю жизни героев, своей жизненной конкретикой фиксирует внимание читателя. И когда автор в системе романного сюжета подходит к сцене «ухода» героя, никакой детализации не требуется. Все это уже было в начале повествования. Прошлое актуализируется, а настоящее переходит в зону прошлого. Настоящее в своеобразной хронологической иерархии становится «прошлым», а «будущее» – «настоящим». Это соображение, подверстанное под вышеприведенный диалог, и дает уверенность одному из собеседников трактовать явления 1865 г. как явления «сегодняшнего дня».

Важно в данном случае найти программирующий алгоритм, который «настоящее» транспонировал бы в сферу «будущего». Для Чернышевского настоящее выстраивалось как исторически модифицированный вариант прошлого, а будущее как гипотетически предполагаемый, но вместе с тем реально возможный вариант настоящего, переходящего через «границу» в зону «будущего». И он в картинах реальной жизни ищет элементы, пророчески представленные самым авторитетным человеческим документом, который был у автора под руками. Этот документ – Священное Писание и свя-

тоотеческое предание, которые были известны и понятны «народу-богоносцу», по определению славянофилов. Феноменальность этого факта заключается в том, что Гоголь, например, на этой основе написал «Размышления о Божественной литургии», которые подкрепляли его не только метафизические, но и социально-общественные прогнозы, а Чернышевский выстроил перспективную программу обновления общества, подкрепив ее, как ни странно, на первый взгляд, авторитетом «Апокалипсиса» Иоанна Богослова, в котором предсказано «будущее».

«Настоящее» было у Чернышевского перед глазами, а «будущее» он смоделировал из материалов «настоящего», но ориентируясь на «Апокалипсис». С точки зрения формы социально-общественного прогноза Чернышевский следовал за «поздним» Гоголем, которого он, в свое время, в отличие от Белинского, не осуждал, объясняя «феномен» писателя историческими обстоятельствами. Чернышевский ввел «будущее» в контекст «настоящего» с помощью текстов религиозных пророчеств. В этом плане он был весьма «толерантен», используя для утверждения своих «революционных» идей «революционный» потенциал Священных текстов¹. Не случайно, очевидно, Н. А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» подчеркнул соотнесенность коммунистической доктрины с христианской догматикой.

Таким образом, Чернышевский подкрепил свой социальный идеал «светлого и прекрасного будущего» религиозной доктриной, что для общественного сознания было очень важно, поскольку в таком случае едва ли кто-либо идею «светлого будущего» решился бы поставить под сомнение. Художественная задача писателя заключалась в том, чтобы соединить в повествовательной структуре «будущее» с «настоящим», как это прогнозировалось еще Жуковским. Вышел Чернышевский из этого положения следующим образом: все «пророчества» в романе «Что делать?» были заключены в форму «снов» главной героини Веры Павловны. Это была удобная и органичная форма соединения будущего с настоящим, ибо кому же придет в голову «опровергать» сон? Нужно отметить, что такую

¹ Об этом подробно см.: [Одинокое, 2003. С. 115–145].

функцию «сна» утверждал в своих балладах и Жуковский. При этом он форму сна связывал с Божественным откровением.

В балладе «Светлана» сказано: «Лучший друг нам в жизни сей – вера в Провиденье». Далее автор утверждает: «Благ Зиждителя закон». Но Жуковский предупреждает: «Здесь несчастье – лживый сон...» В снах Веры Павловны реализуется мечта о «светлом будущем», которое, по мысли автора, программируется универсальным законом «Зиждителя». Сакральное совпадает с социальным. Сны же Веры Павловны – это пробуждение от лживого «сна жизни», это именно счастье, «счастье – пробужденье», как писал Жуковский.

Парадоксальность ситуации в том, что сны героини – это и есть «пробуждение от сна жизни» и постижение «вышей истины», лежащей в основе миропорядка, частью которого является социальное устройство общества. Следовательно, уход от прошлого – это шаг в будущее. Настоящее есть центр

этого «временного» процесса. К этой теме позже подойдет и А. П. Чехов, поставив своеобразную точку в осмыслении концепции «времени» своей бессмертной пьесой «Три сестры». Тема эта была открыта В. А. Жуковским, прошла через определенные стадии осмысления и воплощения в русском литературном процессе и завершена в типологическом плане в творческой лаборатории автора «Трех сестер», А. П. Чехова.

Список литературы

Жуковский В. А. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1954. 564 с.

Одинокое В. Г. Русские писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск: НГУ, 2003. 262 с.

Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. 870 с.

Материал поступил в редколлегию 25.01.2016

V. G. Odinkov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

philology@gf.nsu.ru

V. A. ZHUKOVSKII AND N. G. CHERNYSHEVSKII: THE CONCEPT OF ARTISTIC TIME AND ITS POETIC INTERPRETATION

The article analyzes the category of 'artistic time' and its specific function in the problematic aspect as represented by the works of V. A. Zhukovskii, a Romanticist, and N. G. Chernyshevskii, a Socialist and utopian thinker. From this point of view, we review the unique 'parable tract' by V. A. Zhukovskii «The Three Sisters» and the 'tract novel' by N. G. Chernyshevskii «What Is to Be Done?». We analyze the poetic forms of the category of time and the specific poetic methods which create a natural aesthetic combination of the category of 'future' and the 'category' of past. We pay special attention to the typological meaning of this temporary relatedness, which is realized in the works of Russian writers of the 19th century, starting with V. A. Zhukovskii and ending with A. P. Chekhov.

While performing our analysis, we discover that both writers focus their artistic gazes on the future of the world while maintaining strong ties to the present and the past. This makes them typologically similar, and it shows some fundamental principles of development of poetic systems in Russian literature of the 19th century. Being a Romanticist, V. A. Zhukovskii directs his artistic gaze at the 'bright future', and N. G. Chernyshevskii demonstrates a strong connection to this kind of outlook. V. A. Zhukovskii writes about the profound importance of temporal categories for humanity as a whole. For N. G. Chernyshevskii, the present is constructed as a historically modified version of the past, while the future is viewed as a hypothetical yet possible version of the present crossing the border to the zone of the future.

Ultimately, we see that N. G. Chernyshevskii confirms his perfect social image of the 'bright and beautiful future' with the help of a religious doctrine, which is highly important for the social con-

science; because of this, the concept of the 'bright future' cannot be doubted by anyone. The writer's artistic aim is to combine the future and the present in his storytelling structure – as it had been predicted by V. A. Zhukovskii before. The synthesis of the present and the future is framed as a dream: all of N. G. Chernyshevskii 'predictions' are revealed in the dreams of Vera Pavlovna, a major character in «What Is to Be Done». This proves to be effective, since dreams are impossible to deny or disprove. Here, we note that the same poetic method was employed by V. A. Zhukovskii in his ballads, as he established an artistic connection between dreams and divine revelations. Following the literary and spiritual example set by V. A. Zhukovskii, N. G. Chernyshevskii shows that the bright dreams of Vera Pavlovna effectively serve as her awakening from the deceitful, illusory dream of life. Through them, she manages to perceive the fundamental truth about the world.

Eventually, this artistic perception of time is finalized in A. P. Chekhov's «The Three Sisters», and thus, V. A. Zhukovskii discovery goes through several stages of reflection in Russian literature.

Keywords: artistic time, function, structure, poetics, typology, creative individuality, historical era.

References

Zhukovskii V. A. Sochineniya [Collected Works]. Moscow, GIKHL, 1954, 564 p.

Odinokov V. G. Russkie pisateli XIX veka i dukhovnaya kultura [Russian Writers of the 19th Century and Spiritual Culture]. Novosibirsk, NGU, 2003, 262 p.

Chernyshevskii N. G. Chto delat? Iz rasskazov o novykh lyudyakh [What Is to Be Done? From Stories about New People]. Leningrad, Nauka, 1975, 870 p.